

уменьшается). Среди американских граждан есть и потомки народов других стран Европы, включая Россию. В структуре населения отчетливо представлены афро-американцы, евреи, выходцы из арабомусульманского мира, полинезийцы и др. В условиях глобализма численно возрастают диаспоры азиатских народов (китайцев, японцев и др.), а также динамично увеличивается доля латиноамериканцев. Но проблема состоит не только в пестроте этнорасовых сегментов общества. Начало миллениума совпало с серьезными расколами американских граждан по таким параметрам, как их социокультурные позиции, политические взгляды, приверженность традициям или инновациям (в этом случае разделение идет по месту жительства: крупные города/провинция) и др. Все это говорит о препятствиях в ходе консолидации произвольно сконструированного конгломерата из мозаичных этнорасовых субстратов и некоренных диаспор. К тому же государство начинает тяготиться национальными функциями, открыто переходя на службу глобальной олигархии и корпоративным группам.

Цивилизационный анализ позволяет вскрыть неодинаковые последствия внедрения на американском материке европейской интегративной модели. Если в США она не способствовала формированию нации, то в Латинской Америке, укореняемая усилиями испанцев и португальцев, эта модель развивалась в более конструктивном ключе, вела к иным результатам. В свое время испанцам и португальцам удалось почти мирно (в сравнении с англичанами) осуществить аккультурацию индейцев. Хотя и насильственно, в формах колониального рабства аборигенам были навязаны чужие языки, католическая вера, элементы европейской культуры. В итоге на этой части Америки, которая давно освободилась от колониального статуса, более 4 столетий действует в спонтанном режиме и в умеренном темпе оригинальный межкультурный синтез, развивая латиноамериканскую цивилизацию. На самобытный характер этих процессов обращали внимание в XX в. такие авторитеты цивилизационной теории, как О. Шпенглер и А. Дж.